

«Я оказываюсь персонажем счастливого детства в России: чистый ребенок с бантом на голове»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1529>

🎙 23 февраля 2013

Собеседник

Трофимова Марианна Казимировна

Ведущий

Формозов Николай Александрович

Дата записи

Беседа записана 23 февраля 2013 и опубликована 20 ноября 2020.

Введение

В первой беседе историк и коптолог Марианна Казимировна Трофимова рассказывает о своей семье и первых воспоминаниях. Кроме перенесенной скарлатины, одним из первых детских впечатлений была сама фигура легендарного москвича Ильи Семеновича Остроухова, в доме которого в Трубниковском переулке семья Трофимовых жила после революции. Марианна Казимировна рассказывает о семье матери и многочисленных дядях, уехавших за границу, о сознательном отказе родителей от эмиграции во время Гражданской войны и последствиях этого решения для отца. Вспоминает она и о дедушке Мартыне Григорьевиче, его дружбе с Айвазовским и помощи петербургской аристократии, оказавшейся в Крыму. В конце записи Марианна Казимировна возвращается к воспоминаниям об аресте отца.

Первые воспоминания

Марианна Казимировна Трофимова: Думаю, с чего начать. Пожалуй, самое раннее воспоминание мое: слева от меня белая стена, я лежу на сундуке, а в стенке дырка черная, очень боюсь хода туда, стараюсь туда не смотреть. Очевидно, я болею. Дальше уже не помню. Следующее воспоминание. Папа. Он в этой комнате, комната маленькая, он почти до потолка, кажется высоким, шутит со мной. Опять остальное пропадает. Теперь могу восстановить. У меня была скарлатина, я болела в это время. Папа дает мне книжку, я ее переворачиваю, есть страница, которую я очень не люблю, я ее тоже боюсь.

Николай Александрович Формозов: А что было на этой странице?

М. Т.: Там карандашами, может быть, краской нарисованы какие-то такие неопределенные узоры, и там написано: «Это Бяка-Закаляка нарисована». Я стараюсь ее пролистать, потому что страшно. Это воспоминание о скарлатине. Мне три года.

Илья Остроухов и Надежда Боткина

Следующее. Это уже меня возят в коляске, потому что я оглохла. У меня была очень тяжелая форма скарлатины. Меня вывозят на улицу. Мы живем в Трубниковском, в доме 17. Когда-то этот дом принадлежал Остроухову. Он этот дом получил в качестве приданного со своей невесты, которая была Боткина.

Н. Ф.: Да.

М. Т.: Боткины, как известно, были очень богаты, а Остроухов был бедный художник, зато очень хороший и уже известный. Там была галерея Боткина...

Н. Ф.: Остроухова.

М. Т.: Остроуховская. Один из рассказов, как Остроухов показывает картины моему отцу. Значит, он идет из зала в зал, показывая, а за папой и за Остроуховым, в нескольких шагах позади, идет Надежда Петровна Боткина. Илья Семенович входит в залу и включает свет: «Вот там то-то и то-то», — идет дальше, свет не гасит, а Надежда Петровна с палочкой — «тук-тук-тук» — гасит свет. Следующая зала — гасит свет. Остроухов поворачивается: «Надежда Петровна, дура, что делаешь?» Она покорно свет зажигает. Но следующая зала — повторяется та же...

Н. Ф.: История.

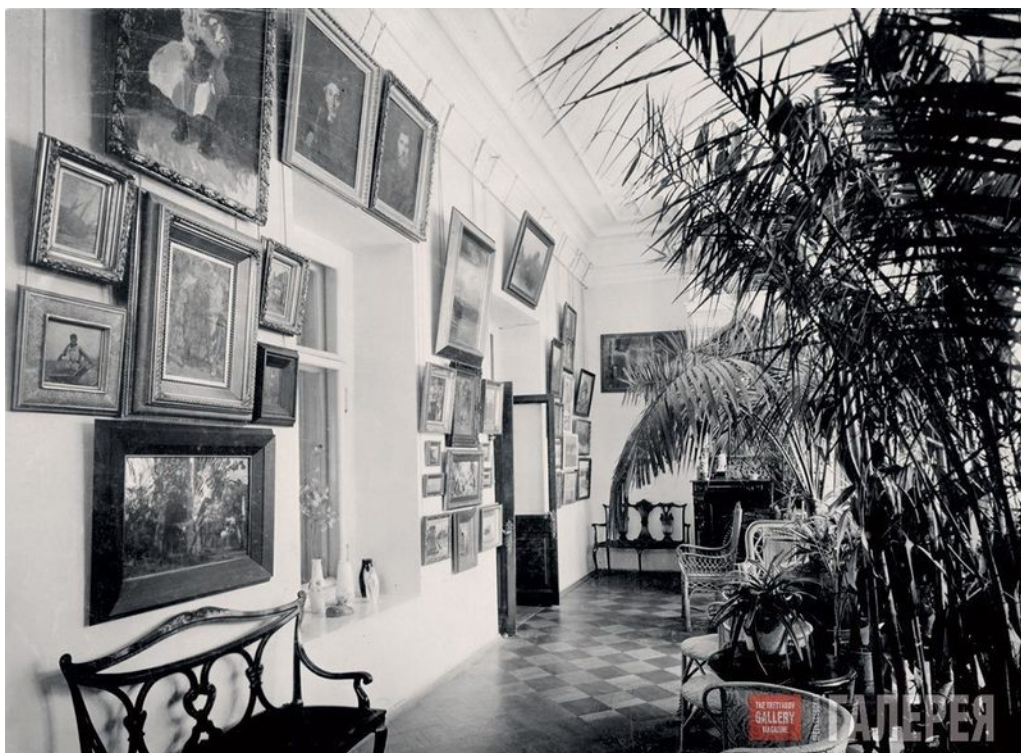
М. Т.: Та же история, те же речи.

Н. Ф.: То есть галерея в советское время оставалась частная еще?

М. Т.: Да, да.

Н. Ф.: Она была национализирована?

М. Т.: Вероятно, была национализирована, но он оставался хранителем ее, и ничего не было тронуто, в том же месте собрание было, в Трубниковском переулке, дом 17.

Интерьер дома И. С. Остроухова. Источник: www.tg-m.ru

Н. Ф.: Это какой примерно год был? Воспоминания какого года?

М. Т.: Я думаю, что это 28-й, вот так вот, 29-й, потому что самого Остроухова я вижу. Я с папой, и, так сказать, меня показывают. Смутно даже его фигуру помню, но это очень давно все происходит. А после того как он умер, галерея переехала в Третьяковскую галерею.

Н. Ф.: Понятно.

М. Т.: А Надежде Петровне были оставлены картины западных художников, по большому невежеству. Думали, что это так вообще, оставим старушке, а остался чуть ли не Рембрандт и Рафаэль. Это были очень дорогие прекрасные картины, которые потом родственники сбывали за границу как-то, в общем, какие-то суммы шли сюда, а больше еще — неизвестно куда.

Шкаф Ильи Семеновича Остроухова для графических работ. Москва, Трубниковский переулок, 17.

Надежду Петровну переселили из основного корпуса, где была галерея и где они жили когда-то, но все-таки оставили маленькую квартирку с выходом на черную лестницу в двухэтажном флигеле, который еще при Илье Семеновиче сдавался внаем. В частности, в той квартире на втором этаже, в одну из комнат которой мы переселились, кабинет, собственно... Одному из сыновей Льва Николаевича Толстого сдавался верхний этаж, и в той комнате, в которой мы жили, был его кабинет. Мама льстила себя надеждой, что сам Лев Николаевич побывал в нашей квартире (*усмехается*).

Н. Ф.: Может быть.

М. Т.: Может быть, да, а может, и нет. Надежде Петровне была оставлена маленькая квартирка из двух комнат с выходом на черный ход, внизу, под нами. Мы на втором этаже, а она помещалась там. Она была очень симпатичная, немножко смешная, как такая кукла старушки: старенькая, согнутая, с палочкой. Она проходила перед нашими окнами. Мы жили на втором этаже. Просто я ее вижу, как она гуляет.

Н. Ф.: А скажи, пожалуйста, эта история, как показывают галерею твоему папе, это ты видела или тебе рассказывали?

М. Т.: «Надежда Петровна, дура» — это рассказ мамы моей, но его-то я видела, потому что ему меня показывали.

Н. Ф.: Да, понятно, но не в тот момент.

М. Т.: Но не в тот момент. Значит, меня показали, он погладил меня по голове — все необходимые действия были выполнены. Но он очень скоро умер после всего этого. Надежда Петровна продолжала жить. У нее были родственники, как известно, Боткиных много, какие-то там сестры двоюродные, троюродные. Кое-кто был за границей, и как-то это переправлялось, в какой-то форме денежной... Надо было жить.

Н. Ф.: Да, как-то надо было жить.

М. Т.: Лекарства и прочее. Очень такое милое, тихое существо жило. Вот. Это мы живем еще в так называемом поляковском доме. Что это значит? Вся территория: сад, двор, конюшня позади, сама галерея с террасой — это все принадлежало Остроухову. На этой территории был выстроен двухэтажный флигель. Он сдавался, сдавался и до революции тоже, большие квартиры, на втором этаже когда-то жил...

Н. Ф.: Сын Льва Николаевича.

М. Т.: Сын, да, и так далее. Во время революции обитатели многие в эмиграцию подались. Это все освободилось. Вообще, это лучший вариант, что в эмиграцию, а часть и уничтожена была. Но уже поселились совсем другие люди.

О родителях

Мы там оказались, потому что освободилась одна из комнат, я уж не знаю, при каких условиях она освободилась. Тогдашний

домоуправ, очевидно, предложил нам переехать в этот двухэтажный флигель, потому что та маленькая комната, в которой мое первое воспоминание, была очень малоудобная для того, чтобы там жило четверо. Жили, значит, мама, папа, я и приехавшая из Ялты моя бабушка.

Н. Ф.: А бабушка приехала уже в год твоего рождения или после?

М. Т.: Нет, она приехала несколько позже.

Н. Ф.: Несколько позже.

М. Т.: Года два-три, наверное, прошло. Даже можно сказать точно: после страшного землетрясения¹, которое было в Ялте. Оно было то ли в 28-м, то ли в 29-м году. Тогда было решено, что дом будет просто отдан государству.

¹ Два землетрясения на Крымском полуострове произошли 26 июня и в ночь с 11 на 12 сентября 1927 года.

Н. Ф.: Ялтинский дом?

М. Т.: Ялтинский дом. И таким образом родители будут избавлены от необходимости в анкете на вопрос «у вас есть ли собственность?» писать, что «да, есть такой-то дом». Если отдать его, то уже собственности у нас не будет, и этот самый роковой вопрос анкеты можно будет миновать. Собственно, ради этого это все было сделано, потому что отец имел такую биографию, по которой было ясно, что ему все время грозит тюрьма. Он был офицером Белой армии и получил Георгиевский крест за участие в одной из кампаний во время войны.

Н. Ф.: Гражданской войны? Наверное, Первой мировой.

М. Т.: Первой мировой войны, да. Крест, который равнялся дворянству, я не знаю, наследственному или только личному, но что личному — определенно. Ну, и белый офицер...

Н. Ф.: Белый офицер — этого достаточно.

М. Т.: Этого было совершенно достаточно для того, чтобы жизнь его превратить в такую муку длящуюся. Собственно, почему они остались? Четверо моих дядюшек уехало.

Н. Ф.: Со стороны мамы?

М. Т.: Со стороны мамы, да. Они все погрузились на пароходы, которые уходили в Турцию. Один из них там же и остался, а трое уехали во Францию, худо-бедно прожили там жизнь и умерли своею смертью. Мама вместе с отцом должны были с последним пароходом, отправлявшимся в Константинополь, тоже уехать, были билеты у отца, и на набережной уже, так сказать, прямо перед посадкой мама сказала: «Нет, я все-таки не поеду». Причина, по которой она не могла себе позволить уехать, была в том, что оставались в Крыму дедушка с бабушкой с больной душевно ее сестрой Марусей, Марией. Оставить их одних мама не могла.

Отец, которого я называла по имени Казя, Казя сказал: «Если ты останешься, останусь и я». В общем, он подписал свой смертный приговор. Если бы он уехал, то он точно так же, как трое моих дядей, вероятно, нашел бы себе какое-то место в той жизни. Все они — кто-то учился и закончил свое высшее образование во Франции еще раньше...

Дяди по материнской линии

Н. Ф.: Расскажи про дядей с маминой стороны.

М. Т.: Гриша, старший, учился юриспруденции во Франции, так что, так сказать, наполовину жил, работая там. Для него проблемы работы, житья...

Н. Ф.: Он учился еще до революции?

М. Т.: До революции. Это старший. А потом Леонид был. Он со своей невестой уехал, никакого у него не было образования, но была невеста и вообще...

Н. Ф.: Он был гардемарин, насколько я помню?

М. Т.: Да, гардемарин. Тут очень туманно для меня, когда что происходило. Одна из версий такая, что он сел на пароход в качестве гардемарина на Дальнем Востоке, должен был обогнуть все возможные и невозможные материки и высадиться во Франции. Но по дороге случилось то, что случилось, революция и прочее. Где-то в Индокитае, будучи гардемаринком и довольно легкомысленным существом, он с приятелем сошел на берег и не сел вовремя на пароход. Ему грозил суд.

Н. Ф.: За дезертирство.

М. Т.: Да. Когда он все-таки сел, то ему было сказано, что «суд будет в Петербурге, когда туда прибудем». Когда они прибыли в Петербург (усмехается), то оказалось, что суд уже не сможет собраться, потому что произошла...

Н. Ф.: Революция.

М. Т.: Революция, и, так сказать...

Н. Ф.: Он совсем мальчик был тогда, да?

М. Т.: Мальчишка.

Н. Ф.: Он какого года рождения?

М. Т.: Конца 90-х, вот так вот. Короче говоря, революция. Он очень радостно говорил, что «революция меня, ха-ха, спасла». Да. Вот это Леня.

Был еще Котик, Константин, самый младший, который горел желанием расправиться с этими бандитами и говорил, что «первого, кого увижу, если будет у меня пистолет, буду стрелять».

Н. Ф.: Это имелось в виду большевиков?

М. Т.: Да, безусловно. Тогда бабушка сказала: «Котик должен уехать с братьями». Тогда трое братьев уехали.

Н. Ф.: Нет, еще был четвертый, архитектор.

М. Т.: Сережа. Нет, Сережа оставался. Сережа был очень хороший и очень больной человек. Так заключения мы и не знаем, что, собственно, было с ним. У него что-то было с ногой: то ли это туберкулез, то ли еще что-то такое. Короче говоря, он пролежал в постели два года, бабушка за ним ухаживала. За это время он выучил французский язык и многое другое, закончил гимназию экстерном.

Н. Ф.: Лежа в постели? К нему приходили?

М. Т.: Да-да, приходили, он получил диплом. Значит, какое-то время он еще оставался в России. Он понимал, что из-за болезни далеко не все пути ему открыты, и единственное, что ему оставалось, — это учиться. Он очень любил это и, так сказать, умел. Он сдал бумаги в университет в Москве, потому что здесь была его сестра Анна вместе с мужем.

Н. Ф.: Это была его старшая сестра?

М. Т.: Старшая сестра Аня. Он приехал сюда сдать и учиться. Когда он сдал бумаги, два-три вопроса, и было сказано, что по социальному положению приема не будет. Он вернулся в Крым.

Н. Ф.: А в чем же был недостаток его социального положения? Они не были дворянами.

М. Т.: Они не были дворянами, но воротнички были белые.

Н. Ф.: А по каким формальным признакам это определяли?

М. Т.: По формальным признакам? Вот по таким вот. Просто на тебя посмотреть, и то, как ты говоришь, — это социально чуждые элементы. Все было решено.

Н. Ф.: Он был инвалид, он прихрамывал?

М. Т.: Да, он прихрамывал, и очень сильно. Он выучил английский, лежа в постели. Здесь он учил английскому языку актеров Художественного театра и учил, между прочим, секретаря Ленина, не помню ее имя.

Н. Ф.: Фотиева?

М. Т.: Фотиева, по-моему.

Н. Ф.: Там две дамы было, Фотиева — одна, я не помню, как звали вторую.

М. Т.: Не помню. В общем, была из этой команды. Да, тоже с английским языком. И это очень пригодилось, когда он решил поехать во Францию. Он у матери просил разрешение, что он поедет только для того, чтобы там получить образование, и после этого он вернется.

Н. Ф.: К братьям?

М. Т.: К братьям. Вообще туда, где можно учиться, короче говоря. И вот то, что он смог уехать, это помогла какая-то из служащих при Ленине, может быть, даже Фотиева. Я не помню фамилию, какую называли. Он обратился к ней. Так сказать, было дано разрешение, что он уедет, не бежит, а уедет. Это уже было после того, как братья уехали. Контакт между Москвой и Крымом уже был налажен. Это все было позже, позже.

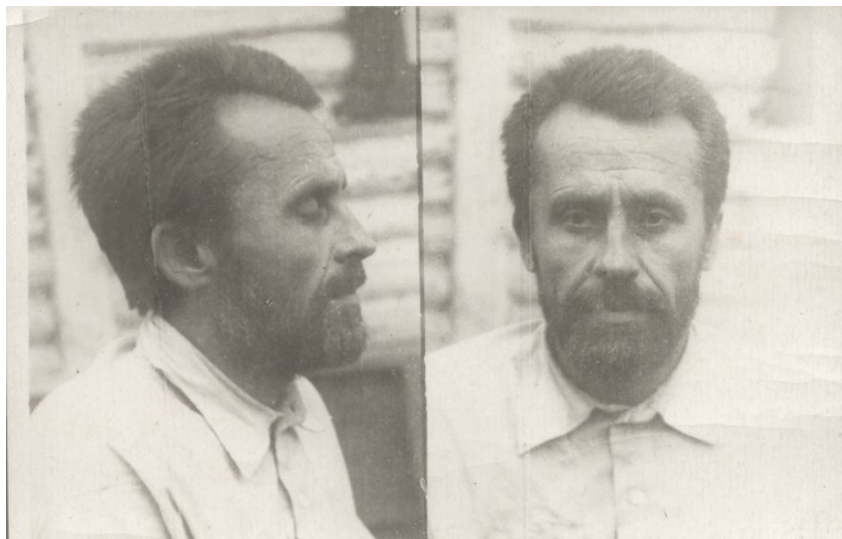
Н. Ф.: То есть он какое-то время жил у Ани здесь, в Москве.

М. Т.: У Ани жил, да, в Газетном переулке, тут и фотографии есть. Здесь уже какие-то друзья появились. Он уехал с полной уверенностью, что он научится и вернется сюда, чтобы поддержать родителей и так далее. В Крыму тогда еще оставались моя мама, отец (они поженились тогда в Крыму), больная сестра Маруся, бабушка и дедушка. Вот.

Решение переехать в Москву

В общем, прошло какое-то время. Маруся умерла, Марусю похоронили в Ялте. Ялтинский дом еще существовал. Когда Маруся умерла, то решено было... Казю постоянно вызывали во всякие особые отделы, достать работу было невозможно. Он решил, что надо уехать. Уехать куда? В Москву, потому что в Москве были родственники его матери Каролины Яковлевны Эйнок — Поповы. Попов жил как раз в доме Остроухова в Трубниковском переулке, куда и приехали мои родители из Крыма.

Он надеялся, что переменяв место, здесь уже как-то сможет пустить корни и жить. Надежда была, конечно, совершенно эфемерная, потому что его анкеты шли за ним. Начались бесконечные вызовы, или на два-три дня забирали его. Работы не было: то он грузчиком, то он шофером, то еще кем-то. В общем, жизнь такая была, которая еще к тому же перемежалась арестами на две недели, неделю и так далее. Так это до 30-х годов шло еще, но не 30-е годы. В 30-е годы он уже сидел крепко и был выслан на север.

Казимир Иосифович Узунов, папа Марианны Казимировны Трофимовой. Источник фото: www.sinodik.ru

Расстрел бывших белогвардейцев в Крыму

Н. Ф.: Скажи, пожалуйста, был страшный момент в истории Гражданской войны, когда в Крым пришли красные и потребовали, чтобы зарегистрировались все.

М. Т.: Да, это был роковой момент. Генерал Карбышев, запомни эту фамилию...

Н. Ф.: Карбышев?

М. Т.: Карбышев. Помнишь, генерал был, которого немцы облили водой?

Н. Ф.: Да-да-да.

М. Т.: У Карбышева был племянник, друг моего отца. Этот самый указ уже пошел в действие, был оглашен. У мамы с отцом сидел Павлик Карбышев, Павел Филатов.

Н. Ф.: Филатов — племянник Карбышева?

М. Т.: Племянник Карбышева.

Н. Ф.: Он тоже был белый офицер?

М. Т.: Да. Они все решали вопрос, как поступить. Павлик сказал: «Нет, господа, так невозможно жить, как мы живем. Ясно, что мы проиграли, но Россия остается, мы должны служить этой России. Надо пойти и зарегистрироваться». Отец мой сказал: «А я не верю. Я не пойду». Мама, Павлик и Казя пошли на улицу, дошли до какого-то угла. Павел пошел в одну сторону, наши вернулись домой. Павел был расстрелян, мой отец еще не расстрелян. Этот путь крестный тут начинался. Через некоторое время это стало известно.

Н. Ф.: Что погибли те, кто зарегистрировался?

М. Т.: Да-да-да.

Переезд в Москву. Смерть дедушки

В общем, все остается на своих местах, работы нет. Казя решает поехать в Москву, где есть двоюродный брат Николай Попов.

Н. Ф.: Он имел отношение к Художественному театру, да?

М. Т.: Нет, к Художественному театру имел отношение муж Анны Мартыновны, то есть моей тетки. Николай Попов имел отношение ко многим, в частности, к Большому театру, потому что у него был хороший голос, настолько хороший, что в «Князе Игоре» он исполнил знаменитую арию «Князь, гляди: восток алеет». Но это было единственное, если правду сказать, что он исполнял на сцене Большого театра. Это была, так сказать, слава всей семьи.

Значит, он приехал сюда, приехал в Трубниковский переулок, где уже жил в маленьком доме Николай Попов. Не двухэтажный, а домик, который узким боком выходил на переулок. Николай Попов там договорился с управляющим, и малюсенькая комнатка было отдана Казе. Казя смог выписать из Крыма маму со мной, бабушку мою и дедушку, который еще был жив тогда. И он [дедушка] уже не мог жить с нами. Он жил с Анной Мартыновной, потому что комната была настолько мала, что места не было. Но жил он очень недолго, потому что он стукнул ногу, и у него началась гангрена, причем это происходило уже не в Москве. Он поехал посмотреть, что делается в Крыму, еще ялтинская дача была записана за нами. Там врачи, посмотрев, — врачи в Ялте были хорошие, знакомые, — сказали, что надо ампутировать ногу. Он сказал: «Нет». — «В таком случае смерть». — «Лучше смерть. Я не могу без ноги быть». В общем, случилось то, что должно было случиться.

Н. Ф.: В Ялте?

М. Т.: В Ялте. Он был похоронен в Ялте. После этого бабушка уже там была...

Н. Ф.: Она поехала с ним вместе? Она была при нем там?

М. Т.: Да. А потом еще какое-то время... Подожди, я тут путаюсь с хронологией. Таким последним ударом было землетрясение в Ялте. После землетрясения было решено определенно, что мы переезжаем в Москву, кроме того, мы отказываемся от собственности, чтобы еще этот хомут [сбросить], потому что обязательно в анкете вопрос: «есть ли у вас собственность?» Чтобы можно было отвечать, что нет. Вот. Что и было сделано.

О жизни дедушки и его помощи людям

Н. Ф.: Расскажи о дедушке, его семье, о его жизни в Ялте.

М. Т.: Ну, что можно сказать?

Н. Ф.: О происхождении фамилии.

М. Т.: Семья — это типичная армянская семья, бежавшая от резни. Родовая фамилия Таушановы, потому что по-армянски, я не знаю, как правильно произнести, таушан — это заяц. Таушановы. В очередной раз бежали от резни через море Черное. Где-то в районе Молдавии они... Вот эта часть семьи, в том числе маленький дедушка, когда он еще был мальчиком. Все очень давно происходило.

Н. Ф.: Он примерно какого года рождения был?

М. Т.: Душенька, я не знаю.

Н. Ф.: Когда он умер, ему было сколько лет? Лет семьдесят?

М. Т.: Да, не больше, не больше.

Н. Ф.: Значит, он примерно 60-го года, в конце 50-х годов. То есть это конец 60-х, когда они переехали в Россию.

М. Т.: Вероятно, да, 60-е годы.

Н. Ф.: XIX века.

М. Т.: XIX века. Естественно, они были совершенно бедные, но дедушка был очень энергичный, очень способный человек.

Н. Ф.: И было несколько братьев, да?

М. Т.: Да, был брат, была сестра, большая семья. Кстати, у меня есть родословная, я как-то составляла. В общем, эта семья

так рассеялась, в разные стороны пошла. Во-первых, остались Таушановы все-таки. Совершенно случайно один из Таушановых оказался архитектором в каких-то работах Исторического музея. Там же работала моя мама, то есть Зайцева, мамина девичья фамилия была Зайцева.

Н. Ф.: А кто сменил фамилию на Зайцевы, дедушка или его родители все-таки? И часть детей остались...

М. Т.: У меня такое впечатление, что все-таки это было где-то на уровне родителей.

Н. Ф.: Уже переехав в Крым.

М. Т.: Да, да, да.

Н. Ф.: Из Молдавии они переехали в Крым.

М. Т.: Во всяком случае, покинув Турцию. Это самое главное.

Н. Ф.: Да, конечно.

М. Т.: Покинув Турцию, да. Потом семья расплзлась, потому что какая-то часть семьи оказалась в Одессе, там очень хорошо укрепились и очень благополучно жила. Какая-то часть поехала дальше и на Крымский полуостров. Первое такое место, более или менее крепкое, оказалось в Феодосии, которая была родиной Айвазовского. Этот город не был родиной моего дедушки, но тут он расцвел, женился.

Н. Ф.: Дедушка?

М. Т.: Да, дедушка. И отсюда его знакомство с...

Н. Ф.: А кем работал дедушка?

М. Т.: Специальность? Он был нотариусом, вел юридические дела. Он был очень способный человек, безусловно, способный в смысле языков, потому что он тут по ходу действия... Ни в каких университетах не учился, но знал татарский, турецкий, греческий, то есть весь этот пестрый люд Крыма мог с ним общаться. Он говорил с ними...

Н. Ф.: На собственном языке.

М. Т.: На собственных языках. Кроме того, обладал абсолютной честностью. Его очень любили и очень уважали окружающие. Он пользовался большой популярностью. Юристом он стал, что называется, от бога. Он не учился нигде, просто учился, работая.

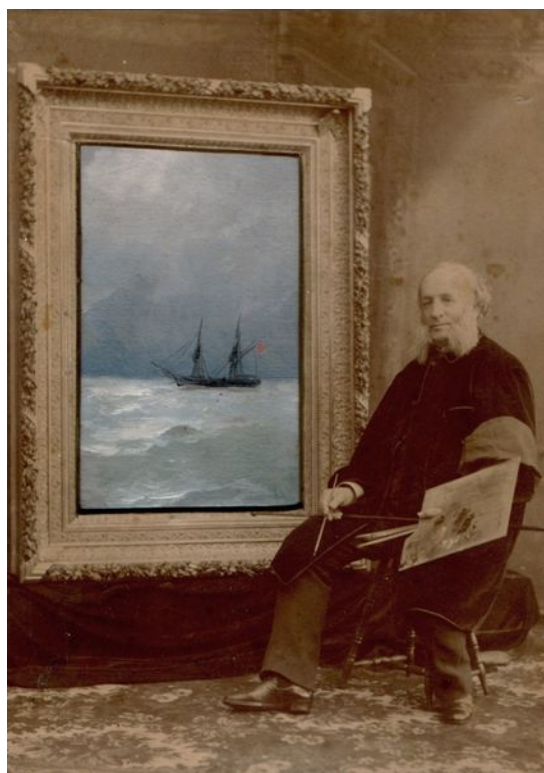
Н. Ф.: Понятно.

М. Т.: Сначала помощником. Все это запоминал, потом создалась определенная репутация и очень хорошая. В частности, он был нотариусом и юристом Айвазовского. Почему я это очень хорошо помню? Потому что у нас было очень много картин Айвазовского, даже в Москве. У тетки они висели, чудные марины: и кораблекрушение, и восход, и заход, и так далее. Потихоньку эти картины исчезали, потому что денег нет — несли в комиссионный магазин. На моих глазах это исчезновение происходило. В конце концов в семье остались только две вещи. Одна — это маленькая марина, вмонтированная в фотографию Айвазовского и подаренная бабушке. На спине было написано: «Дорогой Деруи² Сергеевне в знак уважения...» Там сидит Айвазовский, он сфотографирован, а на месте картины вклеен его подлинный рисунок марины. В день его рождения все дамы, пришедшие его поздравить, получили такие...

Н. Ф.: Подарки.

² Деруи — армянский аналог русского имени Дарья.

По свидетельству родственников, отчество Деруи Сергеевны Зайцевой звучало как Сергеевна, хотя возможно изначально она была Саркисовна

Пейзаж, вмонтированный в фотопортрет И. К. Айвазовского. 1887

М. Т.: Подарки, да. А второй подарок — второй день рождения был — это была брошь с маринной. Когда я была во Франции, то я решила, что надо все-таки делиться, и себе оставила картину, а Мириам отдала брошь, чтобы...

Н. Ф.: Им память осталась, да.

М. Т.: Да, и там, и тут осталось.

Н. Ф.: Скажи, пожалуйста, Айвазовский был из какого поколения переселенцев-армян? Он был крымский армянин, да? Он родом не из русской Армении?

М. Т.: Не знаю, тут я ничего не могу сказать. Я знаю, что он был из бедной семьи, что он очень хорошо рисовал, был замечен, так сказать, кем-то из высших кругов, кто дал деньги на его обучение первоначальное. В память об этом огромному количеству людей он помогал. Он был редкостно добрым, отзывчивым человеком. Он феодосиец по происхождению, он там родился. Феодосия — это родной город, который всячески он хвалил и нежил, в частности, провел водопровод.

Н. Ф.: Айвазовский?

М. Т.: Да, на свои деньги, надо было сделать, чтобы был водопровод. Ну, и очень многое другое. Они с дедушкой в этом отношении нашли общий язык. Феодосия — это тоже дедушкин город был, так что тут были очень тесные связи, дружеские. Но со временем они уехали, в Симферополе была куплена квартира, и еще дом был. У дедушки дела шли хорошо, он стал весьма состоятельным человеком. Он очень хорошо помнил свою бедность, поэтому огромное количество всякого рода людей вокруг него роилось, которые получали помощь: кто-то учился, какие-то стипендии и так далее. Так что вот.

Н. Ф.: Интересно, есть такое мнение, что те люди, которые делают деньги, не склонны с ними расставаться, и только следующее поколение готово быть меценатом. В данном случае это не так.

М. Т.: Ничего подобного.

Н. Ф.: Он помнил бедность, именно поэтому помогал.

М. Т.: Он просто был добрый человек и помогал повсю. Ну, замечательные рассказы мамыны, как слетелась эмиграция петербургская, двор, все, кто...

Н. Ф.: Это во время Гражданской войны?

М. Т.: Ну да, все в Крым. А если ты оказывался... Тогда мы уже в Ялте жили, по-моему. Феодосийский дом уже кончился, потому что был построен дом в Ялте, очень хороший, даже мы с Сашей³ там были.

³ Александр Александрович Формозов

Н. Ф.: Смотрели его, застали.

М. Т.: Да, застали, и фотографии у меня есть. Ну и вот. Обед готовился на тридцать пять персон как минимум, поэтому

все картины, все марины, они ушли к туркам. Турки приезжали и, значит: «Дай это, а вот мешок...» — не знаю, крупы какой-то, и дед мой отдавал за этот мешок, чтобы обеды готовить, чтобы люди, приехавшие из...

Н. Ф.: И все тридцать пять жили у вас в доме?

М. Т.: Нет, они не жили.

Н. Ф.: Они приходили обедать?

М. Т.: Они приходили обедать. Мама очень подробно и красочно мне описывала этот высший свет петербургский, который съехался, фрейлины и так далее. В частности, самые замечательные слова — это графиня фон Мекк...

Н. Ф.: Фон Мекк?

М. Т.: Да-да, которые были владельцами Аскании-Новы.

Н. Ф.: Нет, Фальц-Фейн. Фон Мекк — это те, которые с Чайковским были связаны. Фальц-Фейн — это Аскания-Нова, бароны Фальц-Фейны.

М. Т.: Ты думаешь так?

Н. Ф.: Аскания-Нова — Фальц-Фейны, да.

М. Т.: Фальц-Фейны? Даже в записках она у меня фон Мекк.

Н. Ф.: Ну, неважно. Какая-то графиня, пусть будет фон Мекк.

М. Т.: Графиня, да.

Н. Ф.: Да-да, потому что Фальц-Фейны бароны.

М. Т.: Бароны? Значит, Фальц-Фейны. Какая ошибка⁴ — ты подумай! Потому что барон и баронесса, да.

Н. Ф.: Баронесса Фальц-Фейн, да-да.

⁴ По свидетельству сына Марианны Казимировны, Сергея Трофимова, ранее эту историю она рассказывала именно про баронессу Фальц-Фейн. Видимо, потом она стала путать с фон Мекк.

М. Т.: Короче говоря, это чудный рассказ. Это мамин рассказ. За столом, грассируя страшно: «Мартын Григорьевич, Мартын Григорьевич, когда кончится революция, жизнь станет пресной» (*смеются*).

Н. Ф.: Пресной.

М. Т.: Пресной, да. «Не кажется ли вам, что жизнь станет пресной?» Да. А потом дедушка поехал еще до революции вместе с бабушкой в Париж, чтобы посмотреть, как там дети учатся, потому что отправляли мальчиков во Францию.

Н. Ф.: Гриша там учился.

М. Т.: Гриша учился. Вообще, там уже дом, какое-то место, считалось, что туда будут ездить, Аню отправят, потому что Аня училась какое-то время музыке во Франции. Дедушка, приехав домой, рассказывает, как встретился с этой Фальц-Фейн, выходит дело.

Н. Ф.: Да.

М. Т.: «И ты подумай...» — и показывает, как она каблуком трен свой... Трен — это шлейф. А уже дама в возрасте, так она лихо, значит...

Н. Ф.: Подкидывает.

М. Т.: Подкидывает его, да. Причем это показывалось очень картинно. Все дети были в восторге.

Н. Ф.: Понятно.

М. Т.: Вот эта безоблачная жизнь, как имели возможность заметить, кончилась.

Н. Ф.: Скажи, пожалуйста, а каким образом Мартын Григорьевич был знаком с таким количеством людей высшего света?

М. Т.: Очень просто. Было известно, что Зайцев необычайно добрый человек.

Н. Ф.: Так это не были его личные знакомые?

М. Т.: Нет.

Н. Ф.: Это были просто несчастные люди, которым негде было пообедать?

М. Т.: Это были несчастные люди, которым он помогал, как истинный христианин. Он был человек верующий. Между прочим, армянская церковь, которая стоит в Ялте, — довольно большая сумма была внесена дедушкой, когда она строилась.

Церковь Святой Рипсиме в Ялте. 1918. Источник фото: www.iwm.org.uk

Он был вполне традиционный человек. Кроме того, он был просто хороший человек. Он всегда говорил: «Я знал, что такое нищета, что людям надо помогать». Ну, там были эпизоды совершенно немыслимые. Он получает письмо: «Если не оставишь деньги в таком-то месте, то жди расправы». Ну, это такой способ вытянуть...

Н. Ф.: Это во время Гражданской войны «зеленые» или бандиты какие-то?

М. Т.: Да-да-да. Значит, такое письмо приходит. Что делать? Конечно, надо обратиться куда-то. Он говорит: «Никуда не надо. Я просто сам пойду». Пошел. Оказался какой-то молодой человек совершенно. Он стал его корить: «Молодой человек, у вас, наверное, мама есть. Разве можно такое делать?» В общем, стал его стыдить, тот расплакался. Он себя представил жутким бандитом, а на самом деле соплик сопликом. Ну, это был один из многих, кому дед давал деньги на то, чтобы он учился.

Н. Ф.: Вот этот бандит?

М. Т.: Да. Этому бандиту тоже.

Н. Ф.: Тоже он учился потом на его деньги.

М. Т.: На его деньги.

Н. Ф.: Расплакался вовремя, можно сказать.

М. Т.: Да, вовремя расплакался.

Н. Ф.: Потрясающая история.

М. Т.: Надо сказать, что все-таки он был вознагражден, потому что при всем при том все-таки до 28-го года он жил на том же самом месте в Ялте, в том же самом доме, где он жил до революции, и его не трогали. Были обыски, особенно после отъезда мальчиков, но он живым остался, никуда его не уводили. У него была абсолютно чистая репутация, что это очень хороший человек, старый человек, но могли совершенно свободно...

Н. Ф.: Он говорил по-русски без акцента, или все-таки какой-то легкий акцент был?

М. Т.: Я не помню его голоса. Ничего не могу сказать.

Н. Ф.: А бабушка?

М. Т.: Бабушка совершенно чисто говорила.

Н. Ф.: Да, но она выросла в Крыму, она была крымчанка.

М. Т.: Да, да. У нее был совершенно чистый, хороший голос. По-французски она, во всяком случае, все понимала. У нас в семье было три языка: русский, французский, армянский. На французском разговаривали мама с теткой, когда нужно было от меня скрыть что-то. Была французская речь, и бабушка слушала и понимала. Когда тетка разговаривала с бабушкой, опять же чтобы я не слышала, она говорила по-армянски. Бабушка по-армянски говорила. Я говорила: «Булечка, почему ты меня не учишь армянскому языку?» Она говорила: «Деточка, ты вырастешь, ты выучишь хороший литературный язык, я говорю

на плохом языке. Зачем тебе голову загроужать таким скверным. Это будет только мешать». В результате я ни на каком не говорю.

Н. Ф.: Из армянских языков.

М. Т.: Да, к сожалению, ни тем, ни другим не владею. Вот такая была семья, которая кончилась.

Н. Ф.: А скажи, пожалуйста, если мне не изменяет память, дедушка был еще доверенным лицом какого-то очень состоятельного человека?

М. Т.: Частный поверенный, да.

Н. Ф.: Частный поверенный. Я не помню, какая-то очень известная фигура, да?

М. Т.: Да-да, это было одно из его, так сказать...

Н. Ф.: Понятно. Дедушка скончался, вернувшись в Ялту уже из Москвы...

М. Т.: Вот он поехал в Ялту и там скончался. Бабушка туда к нему приехала, была с ним. Ну, должна сказать, что все-таки могила его даже сохранялась. Мы с Сашей были на его могиле, еще могли дать деньги и все прочее. А в следующий раз когда приехали — сглажено, уже здесь какие-то члены обкома, потому что это очень хорошее место. Это на самой высокой точке кладбища, там большой дуб стоит как раз, знаковое было место. Марусина могила сглажена была, потому что кладбище ликвидировали. Ну, чего там говорить. Такие дела были.

О московских друзьях родителей

Н. Ф.: Про московскую жизнь тогда, если ты...

М. Т.: Ну, что тебе сказать. Про московскую жизнь? Первые годы довольно смутно у меня. Вот этот маленький домик, в котором живет дядя Женя и тетя Юля, моряк в отставке и его жена, это друзья мамы и папы.

Н. Ф.: Как их фамилия?

М. Т.: Поляковы, москвичи.

Н. Ф.: Они знакомые по Крыму, по Ялте?

М. Т.: Нет-нет, здесь знакомство уже и дружба. Так сказать, свои люди, своего круга. Ну, конечно, при такой ситуации порой мужчины позволяли себе выпить горячительное что-нибудь.

Н. Ф.: Ну, еще бы. Это в Москве?

М. Т.: И один из рассказов, это я уже не вижу, но очень хороший рассказ был мамин, как собираются трое мужчин и три женщины. Как это в романсе: три надежды... Да, в поляковском доме, маленьком, за столом: Казя, Поляков Евгений Илларионович, моряк, и Бобринский, зоолог ваш.

Н. Ф.: Николай Алексеевич Бобринский, да, гусар.

М. Т.: Мария Алексеевна Бобринская, тетя Юля и мама. Значит, стоят за ними, чтобы немножко задержать порыв. Кончается горячительное, Евгений Илларионович обращается к жене и говорит: «Юленька, пойдй на угол, надо купить. Купи двести грамм, ты знаешь, что я люблю всё en grand». Еще двести грамм (*усмехается*). En grand — больших размеров. Ну, вот это они сидят...

Н. Ф.: Втроем, да.

М. Т.: Да. Причем они сидят — открыты окна. Но потом тетя Поля из соседнего дома выходит во двор, и тут же все окна закрываются, не только у нас, в других местах тоже, потому что тетя Поля уже выпила, и она сейчас начнет обличать. Значит, идут все жильцы с соответствующими характеристиками. На всякий случай все-таки окна закрываются.

Н. Ф.: Чтобы не услышать.

М. Т.: Чтобы не услышать, да.

Н. Ф.: А она, так сказать, с пролетарских позиций?

М. Т.: Исключительно с пролетарских позиций, исключительно выпив.

Н. Ф.: Понятно. А как она была в трезвом виде, тетя Поля?

М. Т.: В трезвом виде она была молчаливая. Больше ничего не могу сказать. Это подвал, тетя Поля из подвала.

Двор и подруги детства

Там же в подвале жили очень тихие и работающие китайцы, большая семья, там этих китайцев было полным-полно. Ну, такие симпатичные.

Во двор приходили менять бутылки на «уди-уди». Ты знаешь? Ты не знаешь.

Н. Ф.: Да-да, такие вот языки.

М. Т.: Да-да, языки. «Уди-уди».

Н. Ф.: Это китайцы делали?

М. Т.: Нет, это во двор приходили.

Н. Ф.: Во двор приходили. Это не за деньги, а за «уди-уди»?

М. Т.: Нет, за бутылки. Принеси бутылку, а за это получишь эту самую «уди-уди», такой обмен.

Н. Ф.: Обмен такой, товарообмен.

М. Т.: Товарообмен. Или шарик, например, это тоже вещь неплохая. Вот так. Детей было мало. Кроме того, что отличало вот эти дворы довоенные — это то, что они были закрыты более или менее, то есть вход в одном месте каком-то. Это было закрытое пространство, где гуляли дети, поэтому не было того, что сейчас бывает, что просто нельзя выпустить ребенка, потому что неизвестно, где он будет и куда уйдет. А так вот: «Ты будешь гулять здесь», — и из окна можно наблюдать. Это наш двор, в этом дворе у меня моя любимая подруга, а это кто-то не тот. В общем, такое маленькое сообщество.

Н. Ф.: Расскажи тогда о детях, которые там были. Ты, наверное, помнишь.

М. Т.: Очень разные, но я должна сказать, что по моим воспоминаниям я ничего плохого...

Н. Ф.: Николай Николаевич Бобринский там тоже был, наверное, среди детей?

М. Т.: Коля Бобринский, да. Но Коля Бобринский был через дорогу. Он жил в профессорском доме. Это напротив нас. А вот этот маленький круг двора — это Ляля Лебедева, дочка врача из нашей квартиры. Галя, которая, выйдя как-то во двор... По-моему, я тебе рассказывала?

Н. Ф.: Нет-нет.

Слева направо: Андрей Владимирович Трубецкой, Николай Алексеевич Бобринский с сыном Николаем. Москва, 1939. Источник фото: tutunov.org

М. Т.: Как раз сажали всех в это время. Отца забрали моего, и она знала откуда-то, очевидно, потому что я вышла во двор, идет Галя и говорит: «Ты знаешь, сегодня ночью арестовали папу. Теперь мы с тобой сестры». И я думаю: «Как хорошо!»

Н. Ф.: Ты подумала так?

М. Т.: Да. Ты можешь представить себе?

Н. Ф.: Сколько тебе было лет, когда ты это услышала?

М. Т.: Я еще в школе не училась. Значит, лет пять, наверное. Я думаю просто: «Как хорошо, что я теперь сестра».

Н. Ф.: Что у тебя сестра теперь есть, да?

М. Т.: Да. Я ничего не понимала еще.

ВОКС в доме Остроухова, прием иностранцев

Потом этот дом Остроухова кончается вместе с Остроуховым, потому что галерея поглощает картины, остальные продаются за рубеж, Надежда Петровна умирает и так далее. Вместо нее в этой квартире живут другие. Живет синоптик Дзердзеевский, который был связан с экспедицией на Северный полюс, Шмидт и так далее. Так что разные люди. Они меняются. Одна из перемен: в том доме, который занимали Остроуховы, поселяется ВОКС. Ты знаешь, что это такое?

Н. Ф.: Нет.

М. Т.: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Значит, наша территория двора и сада... До этого все перегородки были сломаны, и это было нечто единое. Тут возникает опять перегородка. Сад — это то, куда можно выйти через террасу из остроуховского дома.

Н. Ф.: Воксовского уже теперь.

М. Т.: Теперь из ВОКСа, во всяком случае, изолировать эту часть можно. А двор — это уже то, куда можно выйти из всех подъездов. Сад приводится в блистательный вид, даже та горка, на которой стоял антик. Антика уже нет, но заменили другим, с отбитыми руками и головой, настоящий антик. Если бы голова была на месте, как ты понимаешь, это сомнительно (*усмехается*), а тут никаких сомнений.

Н. Ф.: А что там стояло раньше?

М. Т.: Стояла какая-то скульптура, я не знаю, какая.

Н. Ф.: Подлинная?

М. Т.: Вероятно, потому что едва ли...

Н. Ф.: Едва ли Остроухов какую-то подделку держал во дворе.

М. Т.: Я не знаю, откуда они такую штуковину... Во всяком случае, у нее не было головы и не было рук. Это я очень хорошо помню, потому что видно было из нашего окна. Все дорожки выметены, деревья подрезаны. Там был прекрасный сад, потому что Остроухов развел отличный сад, смею тебе уверить, редкие деревья, красиво, чудно было. Все это очень интересно, конечно.

” Во дворе все как-то беседуют на тему, что сегодня будет прием в ВОКСе, и Петька Коротун из подвала, он приносит самые свежие новости, в частности: «Курей понесли сейчас!»

Н. Ф.: Курей понесли.

М. Т.: В смысле кур.

Н. Ф.: Понятно.

М. Т.: Кухня в другом доме находится, а тут понесли курей. Бедный Петька. Это нужно представлять, что это такое.

Н. Ф.: То есть курятины он не видел с детства, наверное.

М. Т.: Да, а тут курей жареных понесли.

Ну, тут я гуляю по саду. Быстро-быстро ко мне подбегает какая-то тетенька: «Детка, пойдем в сад, пойдем в сад», — и меня увлекает на территорию, которая для ВОКСа. Я оказываюсь персонажем счастливого детства в России: чистый ребенок с бантом на голове. Она подходит, на каком-то языке беседует, иностранцы улыбаются и гладят меня по голове.

” Короче говоря, прием иностранцев, и я в роли безрукой статуи — та же функция, собственно. Вот счастливый ребенок, видите, чистенький.

Арест и ссылка папы. Распад семьи

Н. Ф.: Папы уже нет.

М. Т.: Нет, какой папа! О папе надо забыть уже. Уже ничего нет. Мы ничего не знаем. Потом начинается переписка. Все-таки он выслан на север. Какие-то письма и открытки у меня сохранились. Потом возвращается. Ну, все уже рушится. Это неудивительно, потому что мама... В общем-то, нужен был выбор: либо ехать туда, к нему, либо оставаться здесь — и семьи бы уже не было. Так оно и получилось. Он пытался остаться в Москве, когда его выпустили, но это было безнадежно: работы никакой нет. Поехал в Среднюю Азию — тоже ничего. Говорили, в Средней Азии можно как-то устроиться. Потом раздался такой клич, что на канал Москва-Волга берут вернувшихся из заключения. Действительно, взяли. Был даже некоторый энтузиазм по этому поводу, что, может быть, все-таки одумались, что жизнь как-то пойдет. Но уже семья кончилась. Они разошлись к тому времени. Как я подозреваю, это делалось ради того, чтобы мама могла жить здесь, потому что все время висело над ней... Мы иногда уезжали к знакомым, жили там месяц, не появляясь, но это оказалось иллюзией. Потом наступило то, что наступило.

Н. Ф.: А сколько он пробыл на севере? Где-то в Коми он жил, да? Куда его сослали?

М. Т.: Ты знаешь, надо посмотреть, у меня есть открытка. Европейская часть на севере.

Н. Ф.: И он лет пять или года три там пробыл?

М. Т.: Да. Три года был. Уже мы жили в двухэтажном доме, не в поляковском доме, где эта знаменитая фраза Евгения Илларионовича: «Юленька, Юленька, прикупи еще двести грамм. Ты знаешь, я все люблю en grand». Так это не в этом доме, а уже в последнем доме, который мы покинули и переехали на Усиевича. Он вернулся сюда еще, но уже у него была другая жена. Он приезжал, приезжал приблизительно раз в месяц.

Один раз, я помню, он приехал. Это было до моего дня рождения. Мы должны были пойти в магазин детской книги. Мы пошли. Мне куплены были книжки. Мы возвращались, и там, где когда-то был памятник Пушкина, приблизительно на этом уровне, мы с отцом идем, навстречу идет очень оборванный и страшный человек. Вдруг он бросается к Казе. Казя какие-то отрывочные слова говорит, и я вижу, как он лезет в карман, все, что есть, выгребает и сует ему в руки. Еще два-три слова — и мы расходимся. «Казя, кто это?» И Казя говорит: «Ах, черт, ах, черт!» И мы хотели еще мороженое есть, но Казя отдал все деньги. И уже чувство праздника, которое было, кончилось. Мы приходим домой, что-то он говорит маме, мама что-то отвечает, разговор на повышенных тонах — и как-то грустно дома. Я ничего не понимаю, как ты догадываешься.

Н. Ф.: А кто это был? Это был знакомый по...

М. Т.: Сидевший с ним.

Н. Ф.: По лагерю знакомый?

М. Т.: Ну, ясно, лагерный, конечно.

Н. Ф.: Не по Белой армии знакомый?

М. Т.: Может быть, и по Белой, но это...

Н. Ф.: Кто-то из прошлой жизни.

М. Т.: Из прошлой жизни, из той самой жизни, которая шла за ним хвостом. Вот так, понимаешь. Все.

Н. Ф.: Ну, давай, на сегодня хватит.

М. Т.: Я уже выдохлась.

Н. Ф.: Да. Спасибо тебе большое.